

и наступления соответствующего периода в развитии русской литературы.

При таком подходе 1730-е гг., на протяжении которых совершалась реформа русского стихосложения и протекало упорядочение норм литературного языка, следует оценивать как своеобразный промежуточный рубеж, отмеченный динамичным процессом перестройки литературного сознания. В ходе его были созданы условия для органичного и полного усвоения литературой системы классицизма.

Аналогичным образом обстояло дело и с созреванием предпосылок сентиментализма, первые признаки которого принято видеть в поэтических новациях, которыми увлекались члены кружка М. М. Хераскова в периодических изданиях начала 1760-х гг. («Полезное увеселение», «Доброе намерение» и др.). Отдельные прорывы к сентименталистскому истолкованию задач поэтического искусства можно наблюдать и в творчестве И. Ф. Богдановича, и в ранних поэтических опытах М. Н. Муравьева или Ф. И. Дмитриева-Мамонова. Но только к концу 1780-х гг. созревают условия для естественного оформления сентиментализма в целостную художественную систему, занявшую определяющее место в литературе конца XVIII в. И здесь качественное переосмысление трактовки задач литературы вытекало из полного изменения духовных потребностей общества. Основу этой новой социально-исторической ситуации составляла в сущности исчерпанность просветительской миссии русского абсолютизма, что наглядно проявилось в последние годы царствования Екатерины II и в короткий промежуток пребывания на троне Павла I.

Таким образом, выработка критериев периодизации должна органично соотноситься с установлением факторов, определявших эпохальные сдвиги в эволюции культурного сознания. Хотя внешним показателем этих сдвигов служат изменения вкусовых норм, вне учета воздействия на развитие культуры процессов социальной жизни объективного представления о закономерностях этого развития мы не получим.